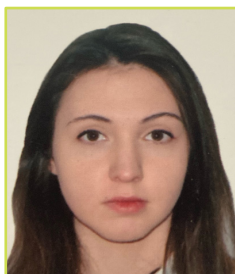

**ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
«БОЛЬШИХ ДАННЫХ» В УСЛОВИЯХ
СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА**

**THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION
OF "BIG DATA" IN THE CONTEXT
OF THE FORMATION OF LEGISLATION
IN THE FIELD OF INFORMATION LAW**

**Строкова
Полина Сергеевна**

Магистрант ФГБОУ ВО «Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», юрист ООО «Акира Ойл», Москва

**Strokova
Polina Sergeevna**

Master student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)", lawyer, LLC "Akira Oil", Moscow

Аннотация. В настоящей работе исследуются тенденции и особенности развития российского законодательства в сфере правового регулирования обработки Больших данных, приводится сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства с целью выяснения оптимального подхода к определению термина «Большие данные» в условиях развивающегося законодательства в области информационного права.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационное право, понятийный аппарат, большие данные, цифровые технологии, персональные данные.

Abstract. The research examines the trends and features of the development of Russian legislation in the field of legal regulation of big data processing, provides a comparative analysis of Russian and foreign legislation in order to determine the optimal approach to the definition of the term "Big Data" in the context of developing legislation in the field of information law.

Keywords: legal regulation, information law, conceptual apparatus, big data, digital technologies, personal data.

Построение информационного общества в Российской Федерации, получившее наиболее авторитетное формальное закрепление на нормативно-правовом уровне в октябре 2018 года с принятием Национальной программы «Цифровая экономика», идет по пути не только технологического и технического развития государства, но и по пути изменения нормативного правового регулирования в обновленных или вновь созданных сферах общественных отношений. Как закреплено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203), данные в цифровом виде признаны основой хозяйственной деятельности в условиях цифровой экономики [1], что породило ряд вопросов, не имеющих на данный момент однозначного пути решения.

Первоочередным вопросом, требующим разрешения, является разработка понятийно-категориального аппарата. Одной из проблем законодательства является тождественность понятий «информация» и «данные» [2]. В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ «информацией» признаются любые сведения, сообщения, данные, а «данные», в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных от 27.07.2006 №152-ФЗ, понимаются как информация в любой форме. Таким

образом, очевидно, что законодатель ставит знак равенства между этими двумя категориями и не раскрывает их соотношение, что тоже выступает в качестве фактора, затрудняющего формирование концептуальных подходов. Вместе с тем, Международная организация по стандартизации (далее — ИСО) в Словаре «Информационные технологии» (в ред. 2015 года) устанавливает такое соотношение «данных» и «информации», при котором «данные» признаются предоставлением информации в формализованном виде, подходящем для коммуникации, интерпретации или обработки [3], а «информация» толкуется как результат интерпретации данных [4]. Учитывая, что интерес представляют не только сами данные как элементы информации, но и их качественные и количественные характеристики, в правовых целях можно рассматривать явление Больших данных как совокупность средств и методов обработки больших объемов структурированных и неструктурированных данных, как создаваемых человеком, так и предоставленных техническими источниками, с целью извлечения имеющей ценность информации. Вышеописанный подход полностью соответствует взгляду законодателя, выраженному в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., однако в тексте используемого Стратегией определения наблюдается неточность, касаю-

чаясь способов обработки информации, поскольку речь идет уже не просто о невозможности ручной обработки информации, но и невозможности обработки посредством типичных алгоритмов, что само по себе вынуждает обращаться к развитию и урегулированию обработки данных при помощи интеллектуальных систем, включение которых в правовое поле и является конечной целью разрабатываемого нормативного регулирования сферы информационного права. В этом свете особую критику вызывает определение, предложенное Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ID проекта 04/13/02-20/00099581), опубликованное 14 февраля 2020 г., где Большие данные рассматриваются именно как собственно данные. [5]. Анализируя используемое в Проекте определение, можно отметить, что акцент на том факте, что данные могут правомерно обрабатываться исключительно при условии невозможности персонификации конкретного лица, является одной из «ниточек», подводящей нас к вопросу о разграничении персональных данных в понимании Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ и данных, подлежащих обработке как категория Больших данных и их вывода из сферы действия ФЗ «О персональных данных». Среди негативных аспектов анализируемого определения следует отметить: нецелесообразность перечисления конкретных видов данных, рассматриваемых в качестве Больших данных, что обосновано прогрессирующим технологическим развитием; классификация данных по группам не является признаком, характерным для Больших данных.

В Соединенных Штатах Америки не происходит нормативного регулирования Больших данных как самостоятельного объекта, а их обработка рассматривается только в рамках гарантированного Конституцией США права на неприкосновенность частной жизни. Использование такого подхода привело к тому, что нормы, регулирующие обработку данных, закреплены в отдельных отраслевых актах, где перечисляются виды данных, которые признаются персональной информацией в целях конкретного нормативного акта. Негативным последствием использования такого подхода на данный момент стала неспособность законодательства адаптироваться под появление на рынке новых видов данных, таких как геолокационные, телематические данные, [6] и невозможность урегулирования правил сбора и обработки таких данных на законодательном уровне. Таким образом, применение подхода, подразумевающего установление перечня данных, являющихся ограниченными в обороте по смыслу конкретного нормативного акта, позволяет соблюсти тонкую грань между информационной безопасностью субъектов данных и предпринимателями, заинтересованными в получении и обработке данных, однако не всегда могут

преодолеть состояние правовой неопределенности по отношению к вновь возникающим видам данных.

Развитая нормативная база в области обработки данных представлена в Канаде, где выстроена система трёхуровневого регулирования. Первый уровень представлен Федеральными законами: Законом о конфиденциальности (Privacy Act), и Законом о защите личной информации и электронных документов [7]. Оба закона содержат перечень информации, рассматриваемой в качестве персональных данных, и, соответственно, запрещенной к сбору без получения согласия субъекта персональных данных. Отграничив круг персональной информации, Канадское законодательство перешло к регулированию оборота данных в условиях цифровой экономики, что ознаменовалось разработкой Цифровой Хартии Канады, установившей основные принципы обработки Больших данных. В 2016 году Правительство Канады обратило внимание на возрастающее для экономического развития значение данных, резкое увеличение их объема создания и в связи с этим инициировало «диалог» с гражданами и представителями бизнеса о путях и возможностях регулирования сбора и обработки данных, создаваемых в том числе в результате межмашинного взаимодействия [8]. В ходе обсуждения совершенствования законодательства были приняты изменения, касающиеся сбора данных, не признанных персональными по смыслу Закона о конфиденциальности, а также в законодательные акты, регулирующие порядок получения согласия пользователей на сбор данных, составлен перечень данных, в отношении которых оператор освобождается от обязанности получения предварительного согласия субъекта данных [9]. Как следует из материалов проведенных общественных обсуждений, такой подход не позволяет найти баланс между сохранением конфиденциальности личной информации и потребностью бизнеса в сборе и обработке данных, поскольку при существовании закрытого перечня, законодательство оказывается не способным адаптироваться под появление новых видов данных.

Кардинально иную позицию представляет собой законодательство Сингапура, построенное на открытости данных и широком их использовании не только в предпринимательских целях [11], но и в государственном секторе. Обращаясь к анализу законодательства в сфере обработки данных Сингапура, следует отметить основной акт, призванный обеспечить защиту персональных данных в условиях интенсивного развития ИТ-инфраструктуры – Закон о защите личных данных №26 от 7 декабря 2012 г. В статье, посвященной целям Закона, прямо указано на необходимость не только регулирования сбора и обработки данных, но и на тот факт, что организации испытывают необходимость в сборе и обработке данных [10]. Либеральными представляются положения, предусматривающие так называемое «предполагаемое согласие», применяемое в тех случаях, когда субъект лично предоставляет данные организации и его согласие явствует из обстановки. Такое построение ос-

нового закона о данных свидетельствует о том, что Правительство Сингапура не только не применяет жесткого регулирования сбора и обработки данных, но и в значительной степени возлагает ответственность за сохранение режима конфиденциальности данных на самих субъектов, что и даёт возможность для эффективного развития технологического бизнеса [12] и развития государственного сектора в части скорости и качества предоставления услуг населению, построенному на принципах открытости данных. Нельзя, однако, не отметить, что злоупотребления, которых, впрочем, нельзя избежать ни при одном из существующих правовых режимов, приводят к созданию открытых баз, содержащих большие массивы разнородных, систематизированных и проанализированных данных, которые стали предметом предпринимательской деятельности и продаются как информационный продукт, что является предметом развития законодательства в сфере киберпреступлений.

Проанализировав подходы, используемые различными зарубежными странами, следует сделать вывод о том, что рассмотрение Больших данных в контексте их соотношения с персональными данными субъектов допустимо при условии соблюдения определенной степени свободы их регулирования. Приведение в законодательстве ограничительных перечней, как видно на примере Канады, не способствует ни технологическому развитию государства, ни экономическому в секторе информационных технологий и, более того, создают преграды для функционирования уже существующего бизнеса, подводя его под риск применения серьезных штрафных санкций. Следовательно, при разработке законодательства, регулирующего обработку, анализ и оборот данных в Российской Федерации, не следует применять жёсткое регулирование, вводить в законодательство однозначные дефиниции тех объектов, которые подвержены постоянному развитию, как в случае с Большими данными.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 09.02.2021).
2. Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики / А.И. Савельев // Закон. — 2019. — №. 4. — С. 174–195.
3. Информационные технологии: словарь ИСО [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en> (дата обращения: 09.04.2021 г.).
4. Системная и программная инженерия: словарь ИСО [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iso.org/standard/50518.html> (дата обращения: 09.02.2021).
5. Доклад ОСЭР (2015). Инновации, основанные на данных, для роста и благополучия/ (OECD (2015). Data-driven Innovation for Growth and Well-being, OECD Publishing, Paris) [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264229358-en> (дата обращения: 09.02.2021).
6. Доклад Счетной палаты США. Компании, предоставляющие услуги на основе определения местоположения в автомобиле, предпринимают шаги для защиты конфиденциальности, но некоторые риски могут быть неясны потребителям. Декабрь 2013 г. [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gao.gov/assets/660/659509.pdf> (дата обращения: 09.02.2021)
7. Закон О защите персональных данных и электронных документов (PIPEDA). Информационный портал Комиссара по защите персональных данных [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://www.priv.gc.ca/en/privacy-topics/privacy-laws-in-canada/the-personal-information-protection-and-electronic-documents-act-ripeda/> (дата обращения: 09.02.2021).
8. Цифровая Хартия Канады в действии: план канадцев, для канадцев [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/42-1/ETH1/report-12/page-57#12> (дата обращения: 09.02.2021).
9. Предложения по модернизации закона О защите персональных данных и электронных документов [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: https://www.ic.gc.ca/eic/site/062.nsf/eng/h_00107.html (дата обращения: 09.02.2021).
10. Закон О защите личных данных (Республика Сингапур) от 15 октября 2012 г. №26 [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012> (дата обращения: 09.02.2021).
11. Михайлов А.В. Общие вопросы эффективности правового регулирования предпринимательских отношений / А.В. Михайлов // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. тр. / под общ. ред. О.А. Заячковского. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — С. 75–80.
12. Сушкова О.В. Особенности влияния института защиты коммерческой информации и персональных данных на разрабатываемые стартапами инновации / О.В. Сушкова // Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: моногр. / под общ. ред. А.Н. Савенкова; отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева. — М.: Институт государства и права РАН, 2020. — С. 159–170.